

Глава 37. Пробуждение чувств

К тому времени как Хань Цзюэ закончил с приготовлениями, Мэн Цзи всё ещё не подавал признаков жизни.

Сюань Тяньшэ не на шутку встревожился, но, глядя на румянец на щеках мальчика и его ровное, спокойное дыхание, понимал — прямой опасности нет.

Заметив беспокойство спутника, Хань Цзюэ ещё раз внимательно осмотрел Мэн Цзи, проверив каждый меридиан, но так и не обнаружил ничего подозрительного. В конце концов тот лишь покачал головой и пояснил:

— Полагаю, он просто не справился с резким притоком духовной энергии. В этом нет ничего страшного, парню просто нужно время, чтобы прийти в себя.

Сюань Тяньшэ понимающе кивнул. Он уже собирался было подхватить Мэн Цзи на руки, чтобы перенести в карету, но Хань Цзюэ мягко остановил его.

— Разве пристало моему маленькому господину самому заниматься подобным? — в его голосе прозвучала едва уловимая, но глубокая преданность.

Сюань Тяньшэ окинул его ироничным взглядом:

— Если станет известно, что великий глава Ордена Истребления Бессмертных называет обычного духовного заклинателя «маленьким господином», в это вряд ли кто-то поверит.

— А в чём же ты обычен? — Хань Цзюэ принялся неспешно разглядывать его, словно изучая заново. — А-Шэ, ты действительно удивителен, но порой сам себя не понимаешь. Я чувствую, что в глубине души ты всё ещё терзаешься сомнениями, будто считаешь себя в чём-то хуже других. Почему?

Хань Цзюэ пытался осторожно направить разговор в русло прошлого, надеясь, что Сюань Тяньшэ откроется ему. Но тот лишь громко рассмеялся.

— Я? Считаю себя хуже? Всего лишь пустые слова, не более.

— Ты уверен? — Хань Цзюэ заглянул ему прямо в глаза. Он смотрел настолько искренне и пронзительно, что Сюань Тяньшэ стало не по себе.

— Уверен, — отрезал он, упрямо поджав губы.

Хань Цзюэ не стал допытываться дальше и лишь с легкой улыбкой отвел взгляд. Он прекрасно понимал, через что пришлось пройти Сюань Тяньшэ, и был готов ждать того момента, когда тот сам захочет обо всём рассказать.

Как раз в это время Мэн Цзи негромко всхлипнул и открыл глаза. Мальчик растерянно огляделся по сторонам, но стоило ему увидеть Сюань Тяньшэ, как всё его напряжение мгновенно исчезло. Он робко ухватился за край одеяния наставника и пролепетал:

— Шифу, я ведь помог вам, правда? Я заслужил награду?

Однако Сюань Тяньшэ и не думал его баловать. Он холодно хмыкнул и строго ответил:

— Награду? Ты чуть всё не испортил, негодник.

Мэн Цзи надулся:

— Но я ведь принял удар на себя, защищая вас!

— А ты не подумал, что этот удар мог стать для тебя последним?

Мэн Цзи сначала мотнул головой, но потом медленно кивнул.

— Мне было страшно... очень страшно. Но когда я увидел, что на вас нападают, я испугался за вас ещё сильнее. Знаете, шифу... я до сих пор помню, как сестрица Бай Мэн умерла ради меня. Я... я просто не мог допустить, чтобы и вы погибли, пытаюсь мне помочь!

Мальчик говорил так искренне, что Сюань Тяньшэ невольно вздохнул и смягчился. Конечно, Мэн Цзи едва не натворил бед, но его преданность трогала до глубины души.

Сюань Тяньшэ мгновение смотрел на него бесстрастно, а затем едва заметно улыбнулся. Он легонько ущипнул Мэн Цзи за худую щеку.

— Ты... вечно заставляешь меня волноваться.

Хань Цзюэ, наблюдавший за этой сценой, вставил свое слово:

— Похоже, поводов для волнения у тебя скоро станет ещё больше. Я только что оценил состояние этого ребёнка. Ты говоришь, ему четырнадцать? Не верю. Неизвестно, как он жил раньше — в вечном голоде и холоде, — боюсь, он уже никогда не сможет вырасти как следует.

Мэн Цзи, который, даже выпрямившись, едва доставал наставнику до плеча, печально

вздыхнул.

Сюань Тяньшэ бросил на Хань Цзюэ сердитый взгляд и поспешил утешить ученика:

— Твой наставник до пятнадцати лет был слабее тебя. Сила копится годами, чтобы проявиться в один миг. Чего ты боишься?

Мэн Цзи просиял и, приняв из рук Сюань Тяньшэ еду, принялся за неё с огромным аппетитом.

— Цзи-эр, мы держим путь во Врата Четырёх Образов, — пояснил Сюань Тяньшэ. — Слышал ли ты об этом месте?

Мэн Цзи покачал головой.

— Врата Четырёх Образов — одна из вершин мира духовных заклинателей. Именно там твой наставник постигал основы пути. Орден разделен на четыре пика: Лазоревого Дракона, Белого Тигра, Алой Птицы и Чёрной Черепахи. Твоя сестрица Бай Мэн была ученицей на Пике Алой Птицы, куда принимают только женщин.

— А вы, шифу? — с любопытством спросил Мэн Цзи.

— Я принадлежал к Престолу Лазоревого Дракона и когда-то был там первым учеником. Но тогда я был молод и горяч, мечтал вершить великие дела в городе Сюаньань, поэтому оставил орден и занял пост градоначальника, — неспешно рассказывал Сюань Тяньшэ, попутно смахивая крошки с лица мальчика.

Мэн Цзи изумленно округлил глаза, перестал жевать и восторженно воскликнул:

— Шифу, вы такой удивительный!

Сюань Тяньшэ потрепал его по мягким волосам и, покосившись на Хань Цзюэ, добавил:

— Настоящий мастер сидит вон там.

Хань Цзюэ, всё это время слушавший их разговор, при упоминании о себе лишь поспешно замахал рукой. Мэн Цзи, заметив его реакцию, высунул язык:

— Наверняка он и в подметки шифу не годится! Мой наставник — самый сильный человек в мире!

— Хватит хвалить, а то твой шифу совсем возгордится.

— И пусть!

Сюань Тяньшэ покачал головой и продолжил:

— Твоя сестрица Бай Мэн росла вместе со мной и моим шисюн Бай Линем — её родным братом. Твой шибо — глава Пика Чёрной Черепахи. Не знаю, удастся ли нам встретиться с ним в этот раз.

Мэн Цзи недоуменно моргнул:

— Но почему? Разве он не всегда в ордене?

Сюань Тяньшэ с трудом выдавил улыбку, но она получилась горькой, и он выглядел неизбывно печальным. Его охватил страх: он до ужаса боялся, что если часть души Бай Мэн развеется, его шисюн тоже расстанется с жизнью. От этой мысли он отодвинул занавеску кареты и выглянул наружу — до Врат Четырёх Образов оставалось не менее полудня пути.

— Шифу? — Мэн Цзи легонько потянул его за рукав, видя, что тот погрузился в свои мысли.

— Всё в порядке, — отозвался Сюань Тяньшэ, заметив знамя призыва душ. — Цзи-эр, ты знаешь, что это такое?

— Это... знамя призыва душ? — робко предположил Мэн Цзи. Будучи смыслёным малым, он сразу узнал очертания артефакта, вспомнив, как им управляли Бай Мэн и Чжоу Сюе.

— Верно, это оно. Знамя призыва душ издавна было семейной реликвией клана Бай. Чтобы завладеть им, Чжоу Сюе когда-то истребил всю семью Мэн-эр. Но теперь этот артефакт признал своим господином тебя.

Мэн Цзи растерялся и поспешно спросил:

— Что это значит?

Сюань Тяньшэ свернул знамя и вложил его в руки мальчика.

— Это значит, что отныне знамя призыва душ будет подчиняться только твоим приказам. Лишь в случае твоей смерти или, что ещё хуже, полного рассеивания души, связь прервётся, и оно выберет себе нового хозяина.

Мэн Цзи слушал, затаив дыхание. Как только его пальцы коснулись артефакта, он ощутил необычайное спокойствие — словно эта вещь всегда принадлежала ему по праву. Он с

нежностью принялся прощупывать каждую нить, каждый узор на ткани. Древние письмена, вышитые по краям, были ему незнакомы, но стоило дотронуться до них, как знаки словно ожили и воспарили. Он не понимал их смысла, но в воображении уже возникали образы того, как он управляет этой мощью.

Мэн Цзи застыл, словно знамя похитило его разум. Сюань Тяньшэ хотел было окликнуть мальчика, но Хань Цзюэ остановил его жестом.

— Он налаживает связь с артефактом. После этого ему будет гораздо легче управлять знаменем. Кажется, оно и впрямь выбрало его. Любопытно, почему?

— Его глаза.

— Что? — не понял Хань Цзюэ.

— Мэн Цзи сильнее меня. Он столько лет прожил на самом дне, в мире смертных, но взор его оставался чист, в нём нет ни капли фальши, — Сюань Тяньшэ поджал губы и добавил тише: — Я завидую ему. И даже немного ревную.

Хань Цзюэ молча смотрел на него, не перебивая.

— Если бы у меня была такая же чистая душа, я не стал бы тем, кем являюсь сегодня.

— Тем, кого я люблю? — Это был уже второй раз, когда Хань Цзюэ открыто говорил о своих чувствах. Если в первый раз это можно было принять за шутку, то сейчас его взгляд был предельно серьёзен. Сюань Тяньшэ застыл, не зная, как реагировать.

Кончики его ушей предательски покраснели. Он не понимал, что с ним происходит: дыхание сбилось, а сердце пустилось вскачь, и никакие усилия не могли его унять. Сюань Тяньшэ чувствовал себя рыбой, которую только что вытащили из кипятка — всё тело горело, а бежать было некуда.

— Я...

Он хотел что-то сказать, но его прервал Мэн Цзи, который вдруг тяжело задышал. Пользуясь случаем, чтобы скрыть смущение, Сюань Тяньшэ кашлянул и повернулся к ученику.

Мальчик прижал ладонь к груди, пытаясь унять одышку.

— Шифу, это знамя... в нём столько тайн! Это просто невероятно!

— Рад, что тебе нравится, — Сюань Тяньшэ хмуро посмотрел на артефакт. — Но помни, эта вещь несет в себе тьму. Боюсь, шисюн захочет уничтожить её. Но раз знамя признало тебя хозяином, любая попытка разрушить его может стоить тебе жизни. Разорвать связь можно только через смерть. Поэтому мне придётся просить шисюна позволить тебе обучаться этой технике.

Пока они говорили, карета пересекла границы владений Врат Четырёх Образов.

У главных ворот все трое покинули экипаж. Стражник оказался знакомым, он почтительно поклонился и, не тратя времени на досмотр, пропустил их внутрь.

На сердце у Сюань Тяньшэ становилось всё тяжелее. По мере того как они углублялись в орден, тревога нарастала. Он прижал руку к груди, чувствуя, как становится трудно дышать.

— Что с тобой? — Хань Цзюэ тут же поддержал его за локоть.

— Ничего... Просто нехорошее предчувствие. Что-то здесь не так.

Хань Цзюэ крепче сжал его ладонь:

— Всё будет хорошо. Успокойся.

Обогнув невысокий склон Пика Чёрной Черепахи, они увидели вдали деревянный дом, в котором жил Бай Линь. Но то, что открылось их взору, заставило Сюань Тяньшэ замереть. Перед глазами всё потемнело — теперь он понял причину своего гнетущего предчувствия.

Дом был сплошь обмотан траурными белыми лентами, а земля перед порогом была усыпана белыми и желтыми цветами.

Это было место скорби. Смерть пришла в этот дом.

Во рту Сюань Тяньшэ разлился приторный привкус крови — от потрясения он не выдержал, и алая струйка сорвалась с губ. Не в силах больше размышлять, он бросился к дому. Распахнув дверь, он увидел прямо посреди комнаты гроб. Отчаяние и невыносимая боль накрыли его с головой. Ноги подкосились, и он рухнул на колени, содрогаясь всем телом.

— Шисюн... Шисюн! — закричал он.

Ответом ему была тишина.

<http://bllate.org/book/17529/1699067>